

Евгений ПРУДЧЕНКО

ЛОВУШКА ЛОБАЧЕВСКОГО

Пьеса-полилог

Действующие лица:

Главный герой. 17 лет назад статный мужчина; сегодня его (или не его?!) хоронят. Пред читателем (зрителем) он предстает в образе «прошлого», сорокалетнего весьма преуспевающего человека (40-45 ему было семнадцать лет назад, теперь ему должно б было исполниться где-то лет 60), семнадцать лет назад пришедшего на то именно место, где его (не его?!) сейчас хоронят. Главного героя зрители видят только в возрасте «около 40-ка». Похороны Главного героя не похороны вовсе в прямом смысле этого (этого!) слова... Разговоры, семь мнений, сомнений, высказанных в «честь» Главного героя у бесформенной ямы.

Метеоролог. Мужчина лет 60-65; не очень, но слегка грубоватой наружности. Прямой искренний взгляд; обтесанный «под интеллигента»; так сказать, настоящий русский мужик. Речь четкая, без заумствований и эквивалентов. Голос (здесь это очень важно – «голос!» тембр) ровный, малоэмоциональный. Одет просто, без претензий. В глазах искренняя грусть, в словах – печаль; в то же время некая радость за прожитое время рядом с Главным героем.

Женщина. Экзальтированная сорокалетняя дама (экзальтированная слегка, не совсем). Типа европейского. Одежда дорого, модно, в некоторой степени безвкусно. Голос не резкий, скорее звонкий. Звонкий, но просящий. У нее плохо получается говорить навзрыд, однако она все время пытается делать именно это. Вычурная жестикуляция, претензии к окружающим даже во взгляде. Для своих сорока лет выглядит миниатюрной «интеллектуальной недоделкой». В «Эпизоде» резко преображается, лицо становится растеряннo-вдохновенным, она не знает этого состояния, оно ей не свойственно... Она не знает, что делать с внезапно нашедшим (снизошедшим!) на нее вдохновением. В «Эпизоде» на лице ее испуг с примесью счастья. Причем счастья абсолютного...

Участковый. Мужчина возрастом около 55-ти. Чувствуется выправка. Наряду с выправкой чувствуется и неуверенность. Неуверенность не в словах как таковых, скорее, неуверенность в прошлом, в прожитом. Сожалея о якобы усопшем, Участковый сожалеет о себе. Окружающие не брезгают и не побаиваются его... но – то и другое вместе. К Участковому не прислушиваются. Он говорит, произносит на панихиде (на панихиде ли?!) правильные слова, к которым никто серьезно и не относится...

Врач. Ярко выраженный рафинированный интеллигент. Слог, мысль ясные, слова правильные, разумные, но все время озирается по сторонам, как бы боясь хоть кого-либо там (в стороне!) обидеть. Обидеть даже словом. В «Эпизоде» одномоментно теряет опаску, преображается, его внутренний страх выходит наружу и тут же растворяется... то ли в окружающих, то ли в пространстве... то ли в могиле (в могиле ли?!). То ли в самом себе... Внезапно обретает одухотворение, не в свободе как таковой, в предчувствии ее!.. При этом Врач не переродился - ему неожиданно стало «все равно!»... Катарсис...

Знахарка. Пожилая женщина неопределенного возраста. Голос мягкий, сухой. Речь размеренная, монотонная. Жесты скупые, мимика застывшая. Говорит скупое, с легкой обидой. В «Эпизоде» преображается до неузнаваемости, сбрасывая на одежду, на личину в виде внутреннего до сих пор неподъемного груза... Улыбаясь, говорит о своей грядущей смерти... Ее, как то ни странно, никто и не отговаривает умереть...

Волчонок. Семнадцатилетний Волк. Голос «за кадром» (который его якобы озвучивает) в крайней степени беспристрастен. Беспристрастен не к происходящему событию, а к самому Волку. Волчонку себя не жалко, он всю свою оставшуюся жизнь всегда, каждодневно будет сожалеть об одиночестве без хозяина (читай: друга!).

Сосед. Самый молодой персонаж на данном мероприятии, ему лет 30, 33 или 35, 37... В его лице – наиболее подробное описание действий и жизни Главного героя. Лицо одухотворенное, но не вундеркинд, человек ищущий чего-то, но именно этого «чего-то» так и не нашедший. В отличие от других действующих лиц, Сосед думает и размышляет не о себе, но только и только о Главном герое. То не кажущееся самоотречение, то высшая степень дружбы, высшая степень привязанности!..

*Все действующие лица предстают в пьесе в двух ипостасях:
«сейчас» и «семнадцатилетней давности», включая животное...
Действие происходит «здесь и сейчас», но с семнадцатилетними тому назад
«лирическими отступлениями»...*

«Пролог»...

В «Прологе» — у читателя в мыслях должен возникнуть хаотичный видеоряд... по замыслу там пусть будет всё что угодно: природа средней полосы России, сельская глубинка, «обесточенные» люди и праздники, фольклорная составляющая. В то, назовём его «иллюстративный ряд», умещаются:

в тексте пьесы, словно по подиуму, проходят Лобачевский Николай, Гильберт Давид, Эвклид... Колизей, Древний Рим (читателю подсказка — «Древний Рим много хуже, чем мы о нём не думаем»), конь Инцитат... Часы, Биг-Бен, Куранты...

Пусть в мыслях читателя (зрителя) проходит всё что угодно! Самое главное — пусть в том своеобразном «видеокадре» обязательно (обязательно!) будут ОБЛАКА. Облака во всех их внеземных, земных и небесных ипостасях!

Важно:

«Пролог» не должен быть меньше, не должен быть обделён ни вниманием, ни самим читателем, не по объёму, нет, но по времени восприятия основных частей пьесы; не по прочтению текста как такового, но, опять же, по осмыслению... осмыслению «будущего прочитанного».

«Пролог» задаёт тон всему сюжету, всей теме. Каждая из сюжетных тем ориентировочно должна добавлять дополнительный «экстрим» в часть следующую... ибо «Пролог» заранее задаёт тон всему действию в целом, всей пьесе, всему настроению пьесы...

(В отличие от эпилога, который спутывает все «характерные карты»).

Примечание (для читателя): «Эпилог» — квинтэссенция «Ловушки Лобачевского»!

НАЧНЁМ:

(Пролог лучше всего будет восприниматься как некий беспристрастный, задающий всей пьесе такт речитатив... то ли он с неба, то ли из подземелья... то абсолютно неважно.)

Пролог

Хронометр выстукивает марш
Шопена, обреченное пространство,
раскачивая в небе облака,
усиливает траурные такты,
осознавая верх несовершенства
им занятого. Проще говоря,
понятно, что Вселенная погибнет,
неважно совершенно — почему?..
но смертному от этого не легче,
своя рубаха к телу будет ближе
абстрактного скопления орбит,
тех нищенок на паперти галактик.

Кто тщательно усваивает мир ,
 приходит скоро к выводу — у мира
 есть что-то много большее, чем мы;
 исследователь ставит под сомнение
 итоги опыта, пытаясь доказать,
 что человек и мир равновелики.
 На доказательство дается ровно жизнь.
 Но речь пойдет в дальнейшем
 не об этом.

Наладив время, старый часовщик
 всегда поставит стрелки на «двенадцать»,
 с той целью, чтоб хозяин выбрал сам
 любой плацдарм на стертом циферблате
 для наступленья будущего, и!..
 Живущим по часам нужны события.
 Вторгаясь в неизведанный рубеж,
 вторгаешься в иное измеренье, —
 сейчас оно изменится! Но там,
 за свергнутыми цифрами, опять
 обычный ход реальности. Обычно,
 действительность — вот все, что нам дано
 для созерцанья внутренностей мира.
 Лишь маятником скальпель промелькнет,
 отпарывая «до» во имя «после»...
 Проблематично их состыковать,
 две противоположности. Тем самым
 изобретатель времени хотел
 нам показать, что хрупкий механизм
 не подлежит в теории ремонту.

Оглядываясь в прошлое — мы спим,
 заглядывая в будущее — бредим,
 а в настоящем — скучно, каждый день
 одно и то же... да, одно и то же.
 Окружность монотонности, того,
 что через миг уже не существует,
 но совершает к вечности подкоп:
 двенадцать, три пятнадцать, полшестого.
 Взгляд пристальный из замкнутого круга
 фигуры расставляет по местам.
 «Festina lente»¹, выдумали в Риме,
 когда хотели время обмануть
 (тем временем в сенат проникла лошадь).
 Великие слова теряют смысл,
 когда их произносят фарисеи;
 у ханжества типичный взгляд на мир.
 Однажды человек уходит в лес
 от времени как формы обстоятельств;
 а на часах застывшее «12».
 И вряд ли пополудни.

Место действия:

*Небольшая ОВАЛЬНАЯ ЯМА. В ЯМЕ (распльвчато) — ТУМАН или ДЫМ...
 Не погост, обычное дикое поле, поблизости лес или пролесок,
 вдалеке деревянные, одноэтажные деревенские дома.
 Осень, ещё зелёная, не холодная. Слякотный день. Будто бы похороны.
 Хоронят то ли человека, то ли облако, то ли... но это не похороны.
 Семь монологов о вроде бы как усопшем человеке, смерти которого никто не видел.
 Причем с подвопросом: «А усоп ли он?!»*

¹ Festina lente — фэстина лэнтэ (лат.) — букв. «торопись медленно»; не делай наспех.

Часть 1

Метеоролог

«В тот день должна была прийти зима.
Но не пришла. Забарахлили разом
радиосвязь, барометр. Разряд
статический разрушил атмосферу,
смяв шупальцами небо под собой,
жонглировал что тряпкой облаками.
Безумие, удел незащищенных,
упрек благополучным городам,
в столицах, там такого не допустят.
В провинции покладистый народ,
а вдруг произойдет — и слава Богу;
век сносят с нестерпимым благородством.
Любить такое, знаете ли, подвиг!
В краю любом извечно недовольны
погодой и правительством, а здесь —
уж сколько лет как все и всем довольны.
Задумчивая, вдумчивая местность,
что редкость по таким-то временам.
Я почему запомнил этот день...
так ведь и сам был крепко озадачен.

Ударил ливень, мраморной стеной
путь перекрыв во внешнее, внутри же
пытался все живое утопить.
Вода лилась, не литры — мегатонны,
как жидкость, источающая страх.
Нет, легковесен «страх», скорее, ужас
был в капле каждой... платой за долги.
Потопы не вмещаются в прогнозы,
иной и на неделю, и на год
вопьется в вымя неба. (Мне удобней,
наверно, говорить так. Говорят,
«с кем поведешься...», видимо, своим,
своим я стал в округе, значит, местным.
Язык родной он тем-то и хорош —
в нем не слова важны, но подоплека.)
Продолжу. Были мы погребены
за мраморной стеной, под сенью склепа
сторонний бы не смог зайти извне.
Вдруг: яркий луч и солнечное небо.

Поверить невозможно? Вера — труд!
Причем неблагоприятный, тяжкий очень.
Простое совпадение? едва ли.
То праздность дань напраслине лихой.
Дальнейшее, позднее оказалось,
не подлежит сомнению вообще:
сомнение, по сути, преступление
пред тем, в ком сомневаешься, а в нем
никто и никогда не сомневался;
как данность, просто верили — и всё!
Так будущему верят. И кукушкам.
Соседи стали больше доверять
друг другу; вне сомнения, погоде.
Он говорил, и все происходило.
Я столько раз пытался заглянуть
за ширму «завтра». В «завтра». Безуспешно.
Себе не верим мы, приборам верим.
Когда же начинает управлять
железо нашим миром, вот тогда

перестаем мы верить и себе,
и ближнему, и Богу...
И погоде.

Природа, с сожаленьем доложу,
запутанная в сложности структура:
кочующие массы пустоты
определяют климат, безусловно,
мешая формам жизни; вместе с тем,
кипят моря, вздымается земля,
то кара не убогим — обреченным,
и если б не привычка к размноженью;
усмешкой покорителям стихий
надежда на безропотные вздохи,
мол, скоро все пройдет само собой.
И! что в трухе сухой увидит страус?! —
лежащие в горячке города?..
На карантин, пусть, бедные, очнутся,
очистятся. Он так и поступил.
Да кто в масштабах мира одиночка?!
Песчинка дна морского. (Не о нем.)
Природа отторгает пустоту,
прорехи те синоптик заполняет
прогнозами погоды...
что абсурдно.

Такая вот работа. Как назло,
забарахлил барометр. Я вышел
под водопад, чтоб малость поостыть
от ожиданий жуткого. Блестела
от молний вся округа. Между тем
по флюгеру усиливался ветер,
на ураган уж точно б потянул.
Не лужицы, озера по колено.
Воочию увидеть катаклизм
— мечта метеоролога, ведь это
природный апокалипсис. Удар!
и словно мир исчез. Прошло мгновенье.
Отсчитывал, как принято, года
вердикт кукушки. Тесно стало лешим
в берлогах душных. Радуга взошла
над синим небом финишной лентой.
Струхнул немного я, не скрою; где...
немного приукрасил, не нарочно,
не красного словца, — основой лжи
нередко выступает потрясенье.
Из леса вышел кто-то...
посторонний.

Всегда мы хороши; а как понять?
В чем был одет, не помню, но по моде.
Селение приветствующий взгляд
в нем выдавал заезжего. Из леса
он вышел как-то буднично, курил,
в руках держал какую-то зверушку.
Живую, не игрушечную, нет.
Но и не гость, — прошел не озираясь.
Приблизился ко мне, как будто мы
знакомы были с детства; так свободно.
Симпатией к нему проникся сразу
(с акцентом на доверие). Всеу
на свете объяснение есть, лишь,
лишь перст судьбы необъясним порою;
как выкрики в торжественном молчанье.
Разговорились. Сели за столом.

От выпивки он сразу отказался:
«Так много всякой истины в вине...»
Он нашим был по духу...
не по браге.

Не делал ничего он. Просто — жил.
Что, согласитесь, в сущности, немало
для этих мест. Пришедшему нашлась
избушка, развалюха. Первым делом
он выложил камин из хрусталя.
«Обман?»... лишает веры в мирозданье,
а после мироздания — в себя...
добавить больше нечего. К чему
подробности? Изматывают память,
затягивают в мелочность. Оставь
жизнь хоть на миг, растащат на детали.
Доверить мир деталям — никогда! —
назойливы, ничтожны, вероломны;
как ложь под микроскопом. Да, в тот день
могла прийти зима. Но не пришла.
Тянулось лето. «Чем я занимаюсь?»
«Не видите, хороним облака?..
а вы, должно быть, прибыли... я знаю,
он говорил... нет, не о вас — столице».

Место действия:

то же...

Взгляд (слух?!) читателя (должно быть!) медленно переходит на Женщину.

До этого момента её не было видно... Она не волнуется, но грозит.

Когда она начинает говорить, на мгновение из-за туч выходит солнце.

В тот момент, когда Женщина заканчивает свой монолог —

начинается мелкий обволакивающий дождь...

Дождь тот обволакивает только мизансцену, действующие лица остаются сухими.

(Этот «финт» символизирует слёзы... чьи слёзы? — то неважно!)

Часть 2

Женщина

«Пункт населенный? Времени дыра!
Отверстие в беспмятство! приехать
оттуда, в здоровой памяти, — сюда?!
где тени испаряются, в прореху
уроков географии! Чего, чего же ради?!
золото на бронзу...
да, сильно жмут большие города,
где небо избавляется от солнца.
К природе, говорите?! это что,
тупик цивилизации — природа?
дремучий лес и зимы по полгода?
острог провинциальных новостей?
трясина популяции? Болото.
Забраться в топь и спрятаться под ил,
увязнув навсегда в липучей тине?
Медвежий угол. *Partie de plaisir?*¹
*Après nous le deluge?*² В его ли стиле?
Останется загадкой, как укор,
немой укор немого! и немым же.
Побег инициирован, возможно,
не им, а мной. Неправда бегства в том,

¹ *Partie de plaisir* — парти дэ плэзир (фр.) — увеселительная прогулка.

² *Après nous le deluge* — апрэ ну лё дэлюж (фр.) — после нас хоть потоп.

что некуда исчезнуть, исчезая.

Поступок. Опрометчивый, но шаг.
 Наивный способ сделать мир честнее,
 освободив себя от шелухи
 инстинктов и условностей, всего
 вмещающего суть существования
 в набор режимных правил, заодно
 от личного присутствия избавив
 тебе не посвятивших этот мир.
 Цена великодушию — сиротство.
 Напрасна эта жертвенность. Пуста.
 Мы жертвуем собой, не испросив
 согласия у жертвы: «Ты согласна?»
 Бульдозером смяв символы и даты.
 Остались только выцветшие сны;
 и жалость, притаившаяся в сердце,
 к себе самой, и ноющая боль...
 Спасибо вам! и помощи не надо,
 не надо и лекарств, приму потом,
 когда минует боль, ведь так надежней,
 не успеваешь снова занемочь
 от той же боли, той же боли... «Что?!»
 Газет он не читал; принципиально.

Мы жили как-то странно, ну, как все;
 какие-то обыденные речи...
 и словно бы сквозь сон, из года в год.
 К рутине привыкаешь постепенно:
 подъем-отбой, работа-выходной.
 Такая гармоничная... «тоска!..»
 Пространство ощущать без перспективы
 подобно помешательству, твой мозг
 становится придатком часового
 устройства механического, ритм
 приводит к истощению (и к срыву)
 рассудка. Вы уверены? Я — нет.
 Теории бледны: а как иначе?..
 ты ищешь в чем-то потаенный смысл,
 в искомом он отсутствует, в итоге
 довольствуешься выбором чужим.
 И временем. Но, сжившись с инородным,
 становится как будто саркофагом
 один из двух, другой же в нем лежит...
 благоговейно вечность созерцая.

Все началось той ночью. Не спалось.
 Прислушалась, там новые движенья
 что поступь народившихся веков,
 небесный шорох, ветер океанный...
 Он, по ночам, я точно знала, — мой.
 Так мне казалось; видимо, казалось.
 Из ниоткуда — грохот тишины.
 Всех душ заблудших... в месте одичанья
 хор. Ангел, воспаривший над листом,
 такой весь из себя... одушевленный.
 Земного шара тень, необозрим!
 бездонный взгляд, смиренное молчанье
 перед мольбой; да нет — сама молитва.
 Слова я поняла, вот только поздно:
 там «не найти», выходит, «потерять»;
 и «лучше поздно, чем...» — ничем не лучше!
 Я б все ему смогла простить, клянусь!
 но это было хуже, чем измена.

«Sub specie aeternitatis»¹. «Sic!»²
 «Errata»³. «Vade mecum»⁴. Словно брызги.
 Интуитивно что-то осознав,
 я шла, пока могла. Пока могла...
 пока могла, я шла. Могла недолго.
 Слова как воздух, чаще — горький мед,
 без них мы задыхаемся, в них — вязнем,
 копясь в пустяках. Не знала я —
 он прятался, а спрятаться не мог
 (попробуй, спрячь звезду на небосклоне).
 Хоть как-то удавалось это днем...
 Им тесно во вместилище покоя,
 пространства без размеров, тесно там
 ось потерявшим, якорь, безутешным,
 терзающим себя. Чудесный свет
 переполнял наш дом молочной пеной,
 похожей на ночные облака.
 И я туда без жалости бросала
 клочки постыдных фраз, за страх свой мстя.
 А он курил, теряясь в дымке белой.

Я злилась. Опрометчиво, — на что?
 Сгорала в подозрениях. Наутро:
 нетронутый, обычно, писчий лист,
 когда-то белоснежный, — поседевший.
 Очнувшись, шел на службу, где тогда
 трудился, обеспечивая жизнь
 мою, дневную. Той же, полуночной,
 незримой жизни вещи ни к чему.
 Но с кем он разговаривал ночами?!
 Оставить все, уход свой оправдав:
 «В высоких креслах трупы восседают»;
 и лавры оставляя мертвецам.
 Так вот — уходят? Так вот — убегают!
 Дабы не жить все время впопыхах.
 Завидуют большие города
 мечте любой, особенно — красивой!..
 как форме торжества существования.
 Мы вскоре с ним повздорили, и я
 ушла, ночей не выдержав, к дневному.

Все потому, что не было меня
 в мечтах полночных. Не было! Да ладно,
 теперь не сожалею ни о чем.
 Я вскорости оставила дневного,
 вернулась — пусто. Каялась? Ждала!
 В прихожей — ни ответа, ни прощанья,
 прощением ненужные ключи;
 и слоем пыль, беспомощность потери
 захлопнутого прошлого. Вдохнув
 от дыма дым, почувствовала зависть.
 Хотела все забыть и не смогла.
 А, года через два, возникла дочь...
 взгляните в фотографию — похожи?!
 одно лицо, ей здесь уже пятнадцать.
 Ну, как «не может быть!», смотрите, есть же.
 Нам не дано невидимых следов
 увидеть отпечатки. То незримо.
 Страдал он кахексией. Доктор, тот,

¹ Sub specie aeternitatis — суб спэциэ этернитатис (лат.) — с точки зрения вечности.

² Sic! — сик (лат.) — так!

³ Errata — эррата (лат.) — ошибки.

⁴ Vade mecum — вадэ мэкум (лат.) — букв. «иди за мной»; путеводитель, карманная справочная книга.

конечно, знает, — вечная усталость.
Устал он от усталости. Устал.
Вы сообщили что... Он стал нормальным?»

Место действия:

то же...

Взгляд (спор!) читателя медленно переходит с Женщины на человека в милицейской (полицейской российской) форме (фуражке, бушлате), но без погон и прочих знаков отличия. Человек-Участковый чешет уши, берёт себя за нос, он расстроен, расстроен искренне.

Часть 3

Участковый

«Сказать по правде: скучно. Но зато!
звучит как, «должностная переписка»!
бумагу превращает в документ
обычная печать и подпись чья-то...
а дел и без того невпроворот;
уж лучше пусть священникам доносят
о собственных делах, какой-то прок.
Не знали мы, однако, до поры
о вашем, виноват, существованье,
копаясь в стоге сена все равно...
и ваш визит случайная формальность.
Ну, как вам, с позволения, «дыра»?
гостеприимна? К избранным! К сердечным!
Гостей незваных деда наши здесь
в грунт втаптывали, ордам, легионам
из смерти угощенье поднося...
развевая пыль во времени, во мраке,
свет веры справедливой отстояв.
Вы по-французски, знаете ль... не очень.
И по-немецки. И по-польски. Ну
не любят здесь «спасителей» России!

Их кто-то звал?! Вы видите тот холм?
Конец, в конце концов, один и тот же —
там падаль прееет! Взгорье зарастет,
как снова прет бесовское отродье
из всех щелей оравой жадных крыс.
Холмов не напасешься, всех — в один!
пущай гниют с бурьяном вперемешку.
И так вовек: «Кто к нам с мечом придет,
тот от меча, в итоге, и погибнет!»
По Александру Невскому всегда
живем. Но где взять силы для прощенья,
прощенью что никак не подлежит?! —
нельзя спустить такое супостату!
А наш, гляди ж, пошел на Холм Поганый.
Вначале я подумал — заблудился.
Так нет же, осмотрелся, закурил.
Возвел на руку скорую оградку.
И все шептал, шептал, шептал, шептал.
Ордынцев и тевтонцев отпевал?!
За землю русскую он там молился.

Не все так верят, молча и светло.
Хоть жил в миру, но к миру относился
без должного участия. К себе
был честен до кристальности: «Без веры
куда идти?» То в будни говорил,
а по великим праздникам шел к храму.
И будто бы все время прятал что-то.

Так часто прячут мысли от себя
(нам не с кем поделиться пустотою).
С доверием был редким, убеждал:
«Есть тот, кто сомневается в других,
в себе первоначально не уверен...»
Огромный, несомненно, человек.
Не слышал слов напрасных от него я,
он словно разговаривал с судьбой:
на равных, откровенно, без излишеств,
спокойно и уверенно. Легко.
Вот так, без лишних слов, любить отчизну?!
Он был намного набожнее многих...

...Ничто так не тревожит по ночам,
как мысли об отечестве. Тревожит,
какой же зад воссядет на престол?
что ветры принесут простолюдину?
Народ, считай, и есть тот самый трон!
опора! слабый вес приводит к смуте
(излишний вызывает мятежи),
за смутой вслед приходят чужестранцы,
подай им град московский; дурачье!! —
вам по зубам народная дубина?..
а всё ползут! попыткам несть числа,
на каждую — свой Минин и Пожарский.
Воистину, великая страна...
Храни ее, Господь, на вечны лета.
Вполне имеет право оттого
не замечать букашки-государства.
Так и не замечает ведь! хотя... —
закон трактует чтить тела букашек.
И если б не придворная игра,
борьба за скипетр, владение престолом.

Не сразу стал своим он, это да.
Общались мы с людьми такой породы,
конечно же, нечасто. Никогда.
Смущало ли его великодушье?
Вполне возможно. В мыслях и в делах
такая пронизательность, во взгляде.
Он видел то, увидеть что нельзя:
«В одну нам землю лечь, но с верой разной»;
а я еще надеялся понять!..
так примитивно — наизнанку душу,
так невозможно — наизнанку жизнь.
Под боком доказательство: возможно.
Молва людская как-то стороной,
но обошла; жил тихо, незаметно.
Пришла пора уйти — ушел. Куда?
Как некий ритуал, как чувство долга.
Уходам неизвестна их цена.
Вторгаться в невторгаемое — поздно.
Мне до сих пор покоя не дает
сомнение одно — как вспышка света —
ведь это мы ушли... а он остался.

Высокие материи, — листва, —
мучение и совесть диссертантов...
за кронами дано существовать
лишь избранным, на то он и избранник.
Народа слуги?.. хуже потаскух,
те хоть кому-то радость доставляют;
речь не о них сейчас, я говорю
о миллиарде — и неоспоримом —
намного большем, вот в чем парадокс.

В шкафу любом при случае улики
отыщутся — скелет существовал!!
Свидетельство обратного — могила
как алиби бессмертия. Зачем
мир странно так устроен, раз нужны
и фактам очевидным подтвержденья?
Зависит, к сожаленью, не от нас
дальнейший ход событий, совершенно;
а будущему важен результат.
Он говорил, что жизнь полна коллизий.
Не понимал я многого. Но верил.

Достойный, несомненно, человек.
Хотя и без фамилии. Так что же?!
другой, возьми, с фамилией, — песок;
наш шире — механизм часов песочных,
с пожизненной гарантией. Шел день.
Ушел, как все бездарное. Шел вечер.
С околицы в деревню он вошел,
в руках держал комочек мокрой шерсти;
был паспорт, как положено, печать,
фамилии там не было, был прочерк...
а что я мог сказать? ведь паспорт — был!
действительный, а это много значит
для идентификации персон,
явившихся к нам, видимо, не с неба.
В чем, собственно, виновен гражданин?
Чему мы платим дань, инициалам?
Я мог бы и составить протокол,
а что писать, «изложенному — верить»?
Вы — верите? Вот, фельдшер подтвердит,
— есть жизни без лекарств...
и без вопросов».

Место действия:

то же...

*Взгляд читателя, внимательного читателя, медленно переносится, очень медленно
переходит на Врача. Тот нехотя негодует, что, разумеется, игра.*

Выходит — но очень ненадолго! — солнце.

После монолога Врача солнце тотчас исчезает. Кажется, что навсегда.

Часть 4

В р а ч

«Товарищ капитан, он таки прав
(когда б ни путал фельдшеров с врачами).
Такое дело, «власть», но и при ней
необходимо выглядеть прилично.
Недомогают власти, и тогда
хворают им подвластные, стремясь
хотя бы внешне выглядеть прилично;
как некая державная болезнь,
из года в год; а лечатся наркозом.
За что нам пустота?.. за созерцанье;
где мы живем?.. повсюду и нигде;
за что страдаем?.. ни за что. Вот так-то.
Народ впадает в спячку, а ему
тем временем отказывают в главном...
эпоха профилактики ума...
на «пережить!» не хватит целой жизни;
что телу остается? только ждать,
блаженствовать в немом долготерпенье.
В глубинке люди верят не словам,
но их произносящему. Так странно...
ведь ты как Бог!.. особенно когда

диагноз произносишь по-латыни.

Провинциям неведомы следы
всего происходящего. А есть ли
в происходящем этом тайный смысл?
Не хор творит историю, но случай;
слепым уполномоченным судьбы.
Что человек? — акт недоразуменья.
Природы царь обязан не болеть,
а здравствовать. Обязан быть счастливым.
Вы видели счастливцев? Я встречал.
Один процент, — как атавизм рая, —
один процент. В домах умалишенных.
Хотя... что смертный может знать о рае.
Мы тут же обрастаем пустотой,
лишь только в мир появимся! вот мера
всех наших сил, потраченных на жизнь.
Хорошее проходит незаметно...
набросок, штрих, случайный эпизод.
Мы, собственно, и жизнь не замечаем.
Пуста она. Особенно чужая.

Я ехал за романтикой, сюда,
начав жизнь трудовую на «отлично»...
Мечтаем о вершинах мы, зачем?
вне знаний кто мы? — группа дилетантов;
мы грубое сырье вне ремесла.
С годами истираются апломбы.
Мечтам никак нельзя служить трухе,
мечте служить достойно идеалам.
Так вот: стоит романтик, край земли,
вверху тоской расплющенное небо,
за плотным слоем тучных облаков
скрываются, по-видимому, звезды,
и сумерки беспамятства, броней!
Отсюда бы бежать, да хлынул ливень;
— укрылся, пережду и убегу...
Не Бог творит историю, но случай...
а нимба над ним не было, заря,
увидел я зарю, решил — останусь...
Скажу об этом так: «Возможно всё!»
Товарищ капитан, он таки прав;
когда б ни путал фельдшеров с врачами.

За много лет всего произошло...
минувшее протиснулось в мгновение.
Как ты ни нежь песочные часы,
песок имеет склонность к истреблению,
в том проза и поэзия песка,
в нем лирика отсутствует. И напрочь.
Вдыхая прошлой жизни едкий дым,
мы будто окунаемся в то пламя.
Он пожелтевший номер «Новостей»
до дыр истер, — газеты умирают
через неделю, максимум, — листал
из года в год один и тот же номер
(замечу, выражение лица
при этом абсолютно не менялось),
там кто-то рассуждал об облаках,
что в них, мол, конденсируется память.
Конечно, профанация. Всегда:
один придумал, рой опровергает.
Гипотезы не любят тишины.
Все кончилось по-будничному — фарсом.
Сторонники, должно быть, ликовали.

Всегда одно и то же за окном...
 Откуда был он родом, я не знаю.
 Да и забыли, видимо, спросить.
 Забывчивость есть суть великодушья:
 забывчивые люди так щедры
 на искренность, откроют дверь любому;
 открыли и ему, не испросив
 ни имени, ни отчества, доверье
 — обедом накормить; то в городах,
 там все же нас встречают по одежке...
 В краях медвежьих проще, от щедрот
 готовы поделиться даже прошлым.
 Страх перед гостем вовсе не присущ
 на родине труда... Не капитала.
 Сложна терминология? есть труд
 — основа всех богатств, но для другого;
 совместных точек мало — у «других»
 общение с миром... что через суфлера.
 Имущему и нечего сказать?!
 Та вежливость приводит к отчуждению.
 Так мы и так давно уже чужие.

К грозе идет все, видимо, к дождю...
 Восточный привкус чайных церемоний,
 павлиньих перьев ветер, нежный звон
 стекла венецианского, шум сада,
 взмах крыльев над Атлантикой ночной,
 густая бриллиантовая пыль
 за воплями большого водопада...
 Табак был не особенно душистым,
 но дым!.. как приглашение в турне.
 Так странствовать возможно только в бездне.
 О чем он думал? Думал или спал?!
 Как будто видел сон один и тот же.
 Всегда одно и то же, словно блик
 от так и не свершившихся событий...
 Из слов калейдоскоп. Таких родных.
 Из букваря вернувшихся. Из детства.
 Он что-то нам пытался рассказать,
 что мы должны б забыть не позже завтра.
 Я иногда захаживал на чай...
 — всегда про жизнь. Но интонационно
 из жизни выделялись Облака.
 Спасибо Гиппократу, повезло,
 — зашел я в дом лечить, так и остался.
 Экспертов век закончился, увы.
 Теперь дано свирепствовать снаружи
 тьме неучей с безветрием внутри.
 Где нет сакраментального — нет тайны.
 Тут только одиночество и бедность
 есть самые надежные друзья...
 Заведую диагнозами, здесь...
 Но к смерти не был он готов! ну не был!!
 Конечно, подозрительно: «Здоров!»
 Здоровье ведь не просит доказательств.
 Нужны ли нам свидетельства того,
 что человек не может жить, не хочет
 существовать так более, страдать
 от бесконечно познанного? Мир
 с улыбкой будет пестовать больного.
 Здоровых отторгает этот мир.
 Здесь жизнь как полномочия слагают.
 Рецепты счастья, видимо, искал...
 Ответить только некому — нашел ли?..»

Место действия:

то же...

Внимание читателя медленно переходит на Природу. Видовое кино, если можно так выразиться, что ли... Расслабление той самой природой. Вдруг — читатель, взгляд читателя неожиданно падает вниманием на Знахарку... Смотрит (смотреть должен!) долго, будто бы впитываясь в глаза Знахарки...

Часть 5

Знахарка

«Не исцелить нам травами себя.
Не излечить молитвами отчизну.
Нашел. Нашел. Доверчивы врачи.
Рецепт ведь предназначен для больного
как форма привилегии. Вокруг
на сотни верст дух жизни богатырской,
здоровыми б расти и умирать...
о счастье не догадываясь вовсе...
не здесь оно лежит, в первопрестольной.
Попробуй, тронь вес воздуха в руках.
Нас нет ведь даже в списке населения
бескрайностью раздавленной страны...
живем, как будто гетто для героев.
А он приехал — золото, не кость,
по жилам кровь не в меру голубая.
С годами, правда, сгладились различья.
Но форс остался, выправка и форс:
всегда как на парад, а в телогрейке;
породу ту нигде и никогда
не скроешь. И врожденную усталость.
Подняться надо мхом немудрено...
возвыситься, став лучшим среди смердов.

Нам нужен человек, а мы ему
отныне не нужны... вот повод к бегству.
Там время изнуряет как борьба,
и не за жизнь, но за существование.
Там женщина была. И не была.
Он отрубил все прошлое. Как умер.
Смотреть на бег хромого от судьбы
смешно со стороны. До боли в сердце.
Свою дано ли память обогнать?
Важна не ампутация — прозрение.
Тут надо быть готовым ко всему,
просторы для острожников опасны.
Опасна и свобода; для того,
кто к ней не приспособится — тем паче.
Ворота нараспашку, и душа,
наш гимн гостеприимству: «Заходите!»
Подвох какой-то скрыт в небытии:
душа цены как ценность не имеет.
Лишь в сказках возрождаются опять.
К нам ехать умирать бы!.. этот, выжить.

Притворство так и лезло из него.
«В чем выражалось?» В сущности, не знаю.
Поди ж ты, невозможно целый день
дрова колоть, к дровам не прикасаясь.
Гостей не привечал. Но и не гнал.
Приветлив был со всеми. Но не слишком.
Охоту и рыбалку не любил.
Часами мог копать в огороде
среди травы. Жил словно в облаках...
Был рад всему. И это раздражало.

Вина не пил; пыталась предложить,
отказывался, пусть интеллигентно...
вот так вот игнорировать людей?!
Его не обряжайте в добродетель.
Кто нас от прегрешений отвращал,
тот пусть за нас и ратует! Цементом
миров иных, разрозненных времен,
одна лишь память, в форме сумасбродства.
Все время размышлял о чем-то, так...
как будто выступал перед вселенной.

Я выйду спозаранку, он сидит,
крылечко ошлифовывает задом,
штаны до дыр, хорош аристократ!
Какой ты принц, коль ладишь самокрутки?
Тут надо начеку... у вот таких:
кисет в руках, за пазухою — камень,
чтоб через год использовать пращой.
Газет он не любил. Заборов тоже.
Вся высота в деревья и в столбы
давно от нас ушла, стоит бездушно,
ни неба, ни земли, крошечный лес;
и время по проселочной дороге...
В грязи увязнув, ждем, «куда идти?»
Но вся она моя, моя Россия...
С соседом повезло ему... — стоят, —
наверно, так общаются немые, —
подобно пням, глядят через плетень,
друг другу улыбаются. Так странно.
Не странно улыбаться, странно жить,
не говоря ни слова, понимая...
Значительно выращивал цветы...
«я вот — цветы, вы — овощи». Мы — быдло?!

Зачем он посещал Поганый Холм...
поклоны бить паршивым басурманам?
Додумался! Вбить колья из осин
отродьям этим, чтоб уж и не встали.
Ходил зачем он к Чудо-роднику,
коль воду пил, как будто похмелялся?!
Водицей той мне б сына воскресить!
вот только тела нет, в плену на части
разрезали... снимать нательный крест
сын не хотел, так с верой смерть и принял;
и родине, и Богу присягал...
а мне как приговор: «Пал смертью храбрых!»

.....

.....

.....

.....

Солдаты наши после уж... знай, враг,
не прекословь ты витязям! — не надо!!

Случилось как-то... летом выпал снег.
Не долетая, в воздухе и таял...
с той стороны он кажется иным...
до боли белым, видимо, не черным.
Хотя, неважен цвет, существовать
намного проще вне пространства горя;
ловушка — цвет! не видим мы его.
В вопросе этом где-то Лобачевский
во мнениях с Эвклидом разошлись.
Не знаю я, откуда это знаю!..
Как только узнаешь с изнанки мир,
перестаешь быть, собственно, изнанкой;

и там, в «извне» теряются следы...
 Вы знаете, а я его простила...
 За что? Ну а за что прощают боль?!
 Он для меня был этой самой болью.
 Врачуем же мы травами себя...
 вот так бы и молитвами — отчизну.
 Ведь родина как жизнь... она — всегда.
 После него осталось много света.

Без грусти не смотреть на Облака,
 на русские пушиночки. Взгляните —
 в бессмертие плывут! сквозь пустоту,
 над пустотой, собою подминая
 все ту же пустоту, как вечный сон;
 блаженные в смиренном превосходстве,
 всеильные! не будь иных пространств,
 они б весь мир собою заполонили,
 теплом своим... балласт — раз мир забыл
 о слове «справедливость»; справедливость,
 когда и пень с забором — высота.
 Исчезнет все вокруг, а вы живите!
 Моргнешь едва, и с ветром улетят.
 Дотронешься, рассыплются дождями.
 Глаза закрой — увидишь облака;
 в пределах допустимого, вне тайны,
 оглянешься на небо — ничего...
 лишь над землей летят воспоминанья.
 Да, он мешал, как совесть он мешал.
 Не к месту речь, — воспитывал волчонка».

Место действия:

то же...

Читатель (автор?!), медленно переходит вниманием с рядом стоящего Соседа на старого волка. Волк своеобразно просит у Соседа разговаривать. Однако Соседа видно ещё только наполовину... В процессе разговора-монолога волк преображается в милого маленького Волчонка... Волк, он им, Волчонком, он им и остаётся до конца, до самого эпилога...

Часть 6

Волчонок

«Как странно конвульсирует земля
 под натиском воды, — как лязг металла, —
 когда в глаза заглядывает смерть...
 в норе нас было трое — обреченных —
 пропала мать, и некуда спастись;
 а на поверхность вынесла случайность...
 вот так и появляется случайность,
 по-видимому, вспомнив не о нас...
 На что нам уповать, где все так шатко?
 На перст судьбы, единственно. На нем
 и держится вся масса мироздания...
 Бьет зло добро, потемки гложут свет.
 И только пустота — монументальна!
 А взгляда человеческого объем?...
 Он видел то, что видеть невозможно.
 Я не хочу здесь никого задеть...
 надеюсь, никого здесь не задену, —
 все люди так тщеславны в темноте:
 не видят, но уверены, что видят.

Спасенье проходило мимо. Вдруг!
 мы встретились глазами. Что увидел?
 ядро стереометрии — «объем».

Так случай познакомил с...
 Не образ мыслей формирует душу.
 Пуста терминология, когда...
 Глаза и уши, — вот что нам дано
 для восприятия правильности мира, —
 не обонянье, нет — не пахнет мир;
 с годами выдыхается и память;
 но прошлое становится иным,
 великие события — мельчают.
 Мельчают, раскрошась под прессом лет.
 Входящему в минувшее вторично
 а надо ли приноживаться к снам?
 Увидев то, чего в помине нет
 и не было — усопшую натуру —
 бродяга произвольно возведет
 в ранг истины любое заблуждение.
 То клирики на вечность претендуют
 и верят пустоте. А пустота...
 а пустота она... гигроскопична
 (вот «hygros» бы на «chronos» заменить...).
 В воде спасаясь, во времени утонешь.
 Сжирает Хронос все, включая запах.
 Но я отвлекся... Мы пришли в деревню...

в которой знали очень мало слов;
 общались, нет, не знаками — делами.
 Слова — пролог, но дело — эпилог.
 А некролог всего лишь обобщенье,
 своеобразный синтез слов и дел,
 которые, увы, неразделимы.
 Любое слово — парафраз поступка,
 будь то деянье, акция, протест,
 жестокость, преступление, злодейство.
 Безмолвие — великое искусство.
 (Молчать, однако, надобно с умом!)
 Мадам здесь говорила о словах...
 что может быть безнравственнее слова?!
 Любого! Засорители пространства
 слова. На них не экономят люди.
 На чувствах, мыслях, вере... даже снах...
 на жизни экономят. Но в словах
 бескраен люд. Возможно, так и надо.
 Посуды не вредят тому, кто спит.
 Придя сюда, он понял, вероятно,
 что... спящие достойны уваженья.

Дабы случайно их не разбудить —
 слова произносил предельно молча.
 Отлично разбирался в падежах.
 Особенно в творительном. Прекрасно
 мог говорить на разных языках,
 мне непонятных. Чаще же — молчал.
 Кто много говорит, тот засоряет
 собой эфир. Слова имеют вес?!
 Молчание — есть уваженье к людям,
 не знающим, но помнящим тебя.
 Так память может стать альтернативой,
 не прожитому — сказанному. Лишь
 со мной он был предельно откровенен.
 Особенно о женщинах. О них
 мог вспоминать не то чтоб осторожно,
 компактно, — цвет волос и глаз, размер
 характера. А сам был безразмерен,
 точнее — необъятен. Нет, не то... —
 он бесконечен был. Да. Бесконечен!

Что значит слово «кровь?» Своя? Своей страны?
Вот вы поймать пытаетесь на слове;
слова всегда некстати задают
параметры беседы. Легче с миром
общаться молча; в нем намного проще
сродниться с одиночеством. Сплетён
весь шар из параллельных одиночеств.
Молчание — есть оболочка правды.
Слова — они всегда — обшивка лжи.
А ложь, в ее бескрайних проявлениях,
он не приветствовал. Вполне логично: что,
обман — по сути — та же западня
для будущего шага. Осторожно
шагает кто? Обманщик. Он шагал
осмысленно, масштабно... Бесшабашно
пространство расступалось перед ним.
Все говорил: «Материальна мысль...
Подумаешь — здесь; там — все происходит».
Мне кажется... он управлял судьбой.
И благо — думал только о хорошем.

Отсутствовали цепь и поводок
в наших людских взаимоотношениях.
Я в лес смотрел, а он меня кормил.
Побег?.. — то суть предательства. Остался.
Зов крови? Я б на привязи ходил,
себя при этом чувствуя свободным.
Что привязь? Время... И, оно, — «сегодня».
«Вчера» и «завтра» — параллельный мир,
его уже (еще) не существует.
Свободный индивид свободен в главном —
в распоряжение временем своим.
Свободен тот, кто, не считая дни,
живет не по часам, а по погоде;
и отдает дань Времени лишь тем,
кто исчезает в параллельном мире.
Каким вердикт присяжных будет? «Жил!»?
Давайте без сентенций. Есть улики?
Опередивший гибель человек,
по сути же — опережает Время...
Он вольнодумцем был... Великодумцем.

Куда исчез?.. Я не желаю знать!..
В пространстве понатыкано капканов...
Возможно, отступился. Знаю лишь —
мы старились с ним как-то... параллельно.
Хотя... в ловушке времени нет дыр,
он умудрился... свеженьким остаться
(лишь смрад души определяет старость):
ни седины, ни шрамов возрастных.
Его любили!.. а меня — не очень.
Но он меня в обиду не давал,
хотя никто не приставал особо.
Да что вы — нет! Я вегетарианец.
Съедает уйму времени охота;
подчеркиваю: «Время — это яд
для занятых, и счастье — для свободных!»
Возможно, он и скуп был на слова,
но не на жизнь. Я это знаю точно.
Вот я и слова вслух не произнес —
вы поняли. И поняли отменно.
Хозяин мой общался так с соседом...»

Место действия:

то же...

Сосед выходит из сарая (амбара, лабаза, курятника...).

Неспешно идет куда-то...

Взгляд сюжета фиксирует его на тропинке, тропинка куда-то да ведёт...

Сосед подходит к Яме, где якобы должен лежать...

где якобы хоронят Главного героя...

Часть 7

Сосед

«Он жил. Да, жил. Я заходил к нему за табаком, за спичками, но чаще из любопытства ради — поглазеть на сюрреалистический развал: какие-то обыденные вещи — кастрюли, тапки... Вижу — облака! Взаправдашние. Будто только с неба. Задуло их в фрамугу? Может быть. Об облаках чуть позже... О Соседе. Годился мне в отцы. В любое время мог заглянуть к нему на огонек, так, запросто, без всякого стеснения. Мы о Соседе мало, мало знали, — простой, своеобразный человек, имел чутье... и каждую весну определял — сколь же ему осталось; подолгу копошился в огороде, варил отвары из целебных трав, колот дрова для странного камина, подле него сидел зимой за книгой; когда шел снег.

Читал стихи. Ругал за перевод не переводчиков — себя, поскольку не мог преодолеть в оригинале какой-то западнобенгальский текст. И постоянно был чему-то рад... что, согласитесь, даже аномально. По выходным на ссохшемся крыльце курил и рассуждал о чем-то споро с лохматым существом. И ничего не выдавало чуждого начала в простом обычном трезвом человеке. «Диагноз?» (то врачебный приговор). Нет, был здоров, да, трезв — по убеждению. И это ему сроду не мешало во взаимоотношениях со средой. Я допущу — скорее, помогало. То есть возможность видеть мир иным, обласканным, и сердцем, и душою. Без горечи, без страха. Без тумана.

Он просто жил. Он просто жил. И всё. Читал газету. Делал самокрутки из стареньких бумажных лепестков. Обычная размеренная жизнь с уже раскрепостившимся рассудком зрителя, способного трунить не то чтоб над газетой, над тем, что опрометчиво зовут в ней некой «жизнью». Торопки сочинители статей до ярлыков, до домыслов. Газета — обычно, собирательство грешков,

их возглавляет главный — словоблудье.
Сосед, куря, частенько разъяснял:
«Не дым нас убивает, не табачный дым,
вот эта самая, прости Господь мя, пресса»;
и сплевывал газетные шрифты,
как страх в околоземные орбиты:
«По большей части, ведь слова, они
собой засоряют не газеты».

Из сказанного вынес я лишь то,
что что-то не в порядке. Он продолжил,
любуюсь самокруткой: «Если вдруг
нагрянет эндшпиль, ну а ты теперь
уже не можешь овладеть фигурой
даже на ветхой клетчатой доске, —
пожертвуй памятью, никчемной пешкой,
она тебя не выведет в ферзи...
бездарность подлежит уничтожению».
Ну?! Жизнеутверждающий этюд?..
я вычитал его в одной газете,
в ней некий начинающий гроссмейстер
пытался научить за три игры,
как смочь не проиграть: «Ничья, — он выдал, —
сродни победе». (Вот же где абсурд!
Ничья, она подобна поражению, —
никто в итоге-то не победил).
«Любое поражение — опасно...
когда в запасе только ход, то ты
воспринимаешь прошлое как подвиг.

Поверьте поседевшим игрокам,
любой из них, в конце концов, гроссмейстер
(по численности съеденных фигур),
и это позволяет притворяться,
мол, с жизнью он сыграл (пускай!) вничью.
Ведь седина — предвестница цейтнота.
Летят фигуры с шахматной доски.
И черные успешно наступают.
По результатам схватки очевидцы
уже не вспоминают — кто же взял там верх?!
Свидетели так часто ненадежно
свидетельствуют о чужой игре,
как, впрочем, и газетчики, для форса.
(Берут ведь не умением — числом).
Вполне возможно, чуточку приврут,
что старый холостяк перед женитьбой.
Так лжет лишь тот, кто стер ориентир
на перспективу, но не седовласый.
Еще — позавчерашние газеты».

Раскладывал страницы по крыльцу...
Я заглянул в газету... Лет семнадцать
как осчастливил номер «Новостей»
прекрасную в смирении планету;
я ужаснулся мудрости Соседа
— на ней не изменилось ни-че-го!
Точнее — многое, но ничего — серьезно:
полвека как мутировавший грипп,
отправил в подземелье пол-Европы;
шесть с половиной миллиардов ртов
все так же подчиняются рефлексам;
любое из подвластных нам пространств
со временем куда-то ускользает
(с телами вместе), не предупредив...
«Лишь Облака способны изменить

присутствием в метрической системе
 все наше представление о судьбе».
 «Но есть ведь что-то выше облаков?!» —
 спросил однажды я. Ответил сухо:
 «Пространство одиночества. Безмерность».

Был полон сил он. Вот и в том году
 мир здешний оставлять не собирался.
 Тот день запомнил я, в нем у меня
 в избытке было времени. Для встречи
 никак не мог я выдумать предлог...
 затем решил: а разве для того,
 чтоб пообщаться с другом — нужен повод?!
 В обед зашел, не мудрствуя лукаво,
 за табаком. (Опять, «за табаком»)
 Однако, он, похоже, догадался...
 Без повода рождаемся на свет,
 без повода, бывает, выпиваем,
 грустим, смеемся, много чаще — лжем.
 А для общения нужен аргумент, как довод?! —
 причем весомый — дружба или рознь.
 В народе, впрочем, верно говорят:
 не в гости ходишь — ходишь за гостями.
 Но в гости он ко мне не заходил...
 Как только чайник загудел свистком,
 сама собой означилась беседа.

Он коллекционировал. Я знал.
 Что именно? Грех в тонкости вдаваться.
 Коллекция, то, как его?.. — интим.
 Фигурки, идолы, божки, тотемы.
 Поистине двусмысленный намек:
 прах памяти, срез самобичеванья.
 Чему мы поклоняемся? Тому,
 что сотворили собственной судьбою.
 Сокровищам? Те, в большинстве своем,
 для нас одних лишь только и бесценны.
 Так на фальшивом натюрморте фрукт —
 не фрукт, а сумма цветоощущений.
 Закрой глаза — ни запаха, ни мух.
 Так люди в память складывают то,
 что позже называют странно — жизнью.
 Жизнь... В сущности, коллекция побед
 и поражений. Чаще — поражений.
 Застопорились мы на пустяках,
 не видя света, только отражение.
 Да! отражение лишь отпрыск света.

... Он коллекционировал людей.
 Да успокойтесь! — не таксидермия.
 Знакомства. Флирты. Дни рожденья. Свадьбы.
 Друзья. Коллеги. Тайные враги.
 Учителя. Герои. Проходимцы.
 Единомышленники. Доброхоты. Тать.
 Завистники. Витии. Дураки.
 Оракулы. Пророки. Самозванцы.
 Со слов Соседа, всех ценней — иуды.
 Он огорчался искренне порой,
 что эти, к сожаленью, в наше время
 совсем повывелись: «Чтоб стать вот им,
 предать необходимо не кого-то...
 — Спасителя! А это, согласись,
 две тыщи лет с того как невозможно.
 Один Спаситель, вот и тот — один.
 Спроси любого, сразу и не вспомнит

по именам всю дюжину Христовых
учеников. Иуду помнят все.
А этот поцелуй... товар-то — штучный!

Но без иуд паноптикум-то — пуст.
И легковесно, стало б, мирозданье».
Тираде этой трудно возразить.
Я возразил, промямлив что-то вроде
вскользь: собирательство — пустая трата сил
и времени... Сосед ответил просто:
«В коллекциях всегда опасней память
об их владельце. Вещи сиротеют,
когда хозяин изменяет курс.
Коллекции — всего лишь подтвержденье
того, что человек существовал.
Больше того — хранил чужие вещи,
считая их своими. А потом?!
Весь чуждый хлам на мусорную свалку,
по сути дела — кладбище вещей,
утилизатор вышвырнет. Надгробий
вещам не полагается. А жаль.
Огромная бесформенная груда
беспамятства. Вот так дичает время...»

«Такое раболепство по вещам?!»
«По памяти». «По памяти?» «Конечно.
Скажи на милость, где теплей всего
тебе в моем жилище?» «У камина».
«Вот! Без него темно и сыро в доме.
Изменится здесь все, лишь замуруй
источник радости, огонь надежды. По...
по комнатам пойдет топтаться плесень,
примерзнут половицы к потолку,
а между ними — я. О! перспектива...
Согрев меня, он греет целый мир;
здесь без него не то что сыро — сиро;
не то, что в доме этом — на Земле.
Как плесень на планете победить?
Сложи камин. И пригласи соседа!»
«А где твои друзья?» — спросил я. Зря!..
«Там. Облака. Они же... Прилетели».
«При чём тут облака?» «В них. М-м-м. Людей.
Что никогда не приходили после
того, как навсегда ушли. В пространство».

Вопрос я этот больше уж ему
не задавал. Шут с ними, с облаками.
Что?.. мне приснился этот разговор?
Да... Вероятно... Только я продолжу..
... Он выругался. Вдруг стал недоступен.
Песочные глаза, заиндевав,
покрылись снегом прожитого века,
пытаясь, видно, что-то рассмотреть
в отторгнутом когда-то им... Вторженье
закончилось, и надвигался вечер.
Песочные часы цедили время,
а головы рогатого скота
мычали, что давно пора на дойку.
Так время, превращаясь в молоко,
доказывало факт существованья
не вымени, но самоё себя.
Взглянув на гурт, он метко обронил:
«В объеме часто прокисает то,
что вовремя не выбилось наружу.

Движение. Движение есть власть
над жизнью, что порою отторгает
материю, передвигая из
предельного объема в параллельный...
как время в архаических часах:
струится кварц в статическом пространстве
вещей, предметов. Допотопен мир,
где всё ветшает, дряхнет, угасает.
Всё. Абсолютно. Кроме Облаков.
Предвосхитив бессмертие, они
единственные — отторгают старость.
Так убедителен и совершенен ход
живых существ в небесном океане!
Доказывают нам — процесс старения
не данность, нет, скорей, наоборот
— издержки изможденного пространства,
которое, пытаясь оттолкнуть
субстанцию, перемещает время
с земли на небо. Статус облаков
— перины.
На перинах дремлет вечность».

Сосед обмяк. Из глаз текла слеза.
Счастливая. До умопомраченья.
Беспомощная, точно пустота
трудов Эвангелисто Торричелли.
Войдя туда, он не заметил, что
поверхность замыкается снаружи;
что параллели встретились... нет, хуже
— они пересеклись. Две пустоты.
Два космоса в расплющенной вселенной.
Две формы жизни — этой и нетленной.
Две тишины в мелодию слились.
В нуле две бесконечности разбились.
Две темноты в одну соединились,
удвоив плотность мрака и масштаб.
(Хотя в тот миг кому важны размеры?)
Он понял всё... как хрупок этот свет,
поверженный в пучину атмосферы,
как безраздельно властвует над ним
песок в часах! Взглянув на облака,
закрыв глаза... И мир озяб
в потемках».

Место действия:

Всё то же...

*Разница лишь в том, что эмоции именно «здесь и сейчас!»
умножаются тысячекратно!!*

Э п и л о г

МЕТЕОРОЛОГ:

«Погоду предвещают... не ахти.
Всю ночь прообнимаемся с дождями...»

ЖЕНЩИНА:

«Не вижу ничего я... в этой яме...
кого... чего... пытаемся найти?!
В прокисший вечер солнце под ногами?»

УЧАСТКОВЫЙ:

«Мадам, поаккуратнее с цветами!
Иного, видно, не было пути...»

МЕТЕОРОЛОГ:

«Уставшему от сна дается явь,
от жажды изнывающему — лужи.
Мы видим океаны лишь снаружи,
всё силится мы их осилить вплавь...»

СОСЕД:

«Путеводитель тонущим не нужен,
нет разницы — где мельче, а где глубже.
Товарищ в форме, покурить оставь».

УЧАСТКОВЫЙ:

«На, свежую возьми. И прикурить.
Так странно — только в скорби мы едины;
а в праздник... словно пьяные скотины...»

МЕТЕОРОЛОГ:

«...Не тризна нас должна объединить,
отечество и Бог! — вот величины».

ВРАЧ:

«Вы, русские, как свет непобедимы!»

УЧАСТКОВЫЙ:

(«Когда мы вместе...»)

ЗНАХАРКА:

«Вместе — легче жить».

ВРАЧ:

«Для пробуждения чувств нужна слеза.
Лишь плача, сможем выбраться из склепа
унынья, равнодушия и трепа.
Врачуя душу — нежим телеса...
С утра с мечтой о жалкой корке хлеба
голодный с упованием смотрит в небо...
насытившись — а вспомнит ль небеса?»

ЗНАХАРКА:

«Ну, вот и всё. Теперь придет зима.
И дай-то Бог, чтоб вы не озверели
от холода, чтоб встретившись в апреле,
смогли узнать друг друга. Я одна
не доживу до встречи две недели.
Родимые, что скисли, в самом деле?!
Да... приютите волка, сирота».

ВОЛЧОНОК:

«О ближних позаботьтесь. У волков
надежнее и радостнее будни...
А вы — живите. И про все забудьте.
Бессмертие — догмат для простаков!
Ботву отбросив, оцените клубни.
Расклад стереометрии таков —
всегда есть что-то выше Облаков...»

МЕТЕОРОЛОГ:

«Вот так и держишь... мир, за парашют...
живешь, что копошишься. Все напрасно?!
Я понял мало. Но одно мне ясно:
когда исчезнет солнце, много лет
мы не узнаем, что оно погасло.
Нас будет греть уже погибший свет».